

УДК 82.091

Жильцова Е.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

**МОТИВЫ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В НОВЕЛЛЕ «СЫН» И РАССКАЗЕ
«ДЕЛО КОРНЕТА ЕЛАГИНА» И.А. БУНИНА**

E. Zhiltsova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

**THE MOTIVES OF THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»
BY F. DOSTOEVSKY IN THE NOVEL «THE SON» AND THE STORY
«THE ELAGIN AFFAIR» BY I. BUNIN**

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия русской классической литературы писателем-эмигрантом «первой волны». В частности, проанализированы художественные связи новеллы «Сын» и рассказа «Дело корнета Елагина» Бунина с традицией романа «Преступление и наказание» Достоевского. Показано, как сюжет романа трансформируется в произведениях о любви-катастрофе. Несмотря на отсутствие прямых отсылок, в бунинской рецепции Достоевского ориентация на классика, его героев и полемика с ними не подлежат сомнению.

Ключевые слова: русская классическая литература, литература Русского Зарубежья, рецепция Достоевского, традиции романа Достоевского, творчество Бунина.

Abstract. The article considers the problem of perception of the Russian classical literature writer and emigrant of the «first wave». In particular, it analyses art relationships between stories «The son» and «The Elagin affair» by Bunin and the tradition of the novel «Crime and punishment» by Dostoevsky. The author shows the transformation of the plot of the novel in the works about love-catastrophe. Despite the lack of direct reference, in Bunin's reflection of Dostoevsky, his orientation on the classical author, Dostoevsky's characters and debate with them raise no doubts.

Key words: Russian classic literature, Russian foreign literature, reflection of the prose by Dostoevsky, tradition of the novel of Dostoevsky, creative works of Bunin.

Исследователями определено, что отношение Бунина к личности и творчеству Достоевского было сложным: «словесное искусство <...> сам художественный облик его творчества Бунину были во многом чужды», но он признавал «Достоевского-мыслителя» [13, с. 208].

Бунин использует мотивы романа «Преступление и наказание» в текстах дореволюционного периода и созданных им в эмиграции в 1920-1940-е гг.

Один из самых «приметных» спутников «Преступления и наказания» в бунинском творчестве – рассказ «Петлистые уши» (1916 г.). Связь подчеркнута автором в самом тексте, и проблема рецепции наследия Достоевского в прозе Бунина преимущественно изучается на его материале [1; 5; 8; 10; 12-13].

Исследований, посвящённых выявлению традиций романа «Преступление и наказание» в произведениях Бунина о любви-катастрофе (в основе сюжета – убийство женщины любимым человеком), не проводилось.

Обратимся к наиболее показательным в этом смысле текстам Бунина: новелле «Сын» (1916 г.) и рассказу «Дело корнета Елагина» (1925 г.). Произведения объединяет странная близость

любви и смерти, когда убийство predetermined самой женщиной.

Новелла, написанная на французском материале, сюжетно и идейно близка созданному в том же году рассказу «Петлистые уши», связанному с трагическими страницами жизни в России. Полемическое обращение Бунина к роману «Преступление и наказание» критически воспринятого им Достоевского именно в этот период В.А. Туниманов объясняет резко обострившимся у него с началом мировой войны предчувствием перелома [13, с. 224]. Работа над «Делом корнета Елагина» шла в первые годы эмиграции, когда, как отмечает Н.П. Евстафьева, интерес Бунина к онтологии жизни «становится определяющим фактором как отбора материала, так и поиска соответствующих форм его художественного осмысления» [4, с. 330].

В «Сыне» время действия указано точно – январь 1890 г. В этом же году, как свидетельствуют документы, в Варшаве поручиком Бартеневым было совершено убийство актрисы Висновской. Как и в «Петлистых ушах», Бунин пошёл по пути, традиционно для Достоевского: сведения об уголовном деле, почерпнутые им в газетной хронике, послужили сюжетом для написания «Дела корнета Елагина» [11, с. 689].

Смерть бунинских героинь наступает при схожих обстоятельствах: после сближения с госпожой Маро Эмиль стреляет в неё по её же собственной просьбе («Сын»), корнет Елагин исполняет «приказание» [2, с. 406] артистки Сосновской. Оба преступника молоды (Эмилю 19 лет, Елагину – 22 года), их возлюбленные старше (госпожа Маро по возрасту годится Эмилю в матери, у артистки с корнетом разница в возрасте не так велика – шесть лет), оба признаются в содеянном и находятся под следствием.

О.Н. Михайлов полагает, что «неумолимой причиной» убийств в указанных произведениях Бунина становится страсть, трагически подчиняющая человека своим слепым силам [6, с. 151]. Попытка объяснения трагедийности взаимной любви в «психологи-

ческой новелле» «Сын» содержится в работе З.В. Недодировой. [7]. Изучению истоков любовной драмы в «Деле корнета Елагина» (в различных аспектах) посвящены публикации О.В. Сливицкой [12, с. 211-215], Н.П. Евстафьевой [4], А.М. Грачевой [3].

Наше мнение состоит в том, что новелла и рассказ Бунина восходят к «Преступлению и наказанию», трансформация сюжета классического романа в них определена мироощущением писателя.

Елагин не мог вступить в брачный союз с женщиной не своего социального круга, иной национальности (Сосновская – полька), религии. Эмиль, втянувшийся в порочную связь с замужней дамой, тоже не мог дойти до заключения брака. Для госпожи Маро в новелле смерть (её и молодого любовника) – естественный и единственный, по её представлению, выход из ситуации. Не случайно Бунин пронизывает всё повествование «Сына» лейтмотивом смерти, начинающим звучать уже в первых абзацах новеллы. Первое появление Эмиля и его знакомство с госпожой Маро происходит на похоронах его только что обрученной сестры. «Блаженное безволие как бы предсмертных минут», испытанное ею под гипнозом [2, с. 78], вспоминает госпожа Маро в канун сближения с молодым человеком. Знаки смерти, сопровождающие героев в течение всего повествования, постепенно создают у читателя ощущение трагичности происходящего и предсказывают горестный финал.

Если в «Сыне» поведение госпожи, предложившей вместе уйти из жизни после сближения, обусловлено драматизмом и двусмысленностью их с Эмилем положения, то в «Деле...» действия капризной артистки, на первый взгляд, как будто напоминают «игру в смерть» [6, с. 151] с влюблённым в неё юношей. Однако за налётом театральности Сосновской кроется совсем другая, глубокая натура. Жизнь её, отмечает повествователь, была «сплошным томлением, непрестанной жадой уйти прочь от постылого земного мира» [2, с. 427]. Парадоксально, что

артистку, «плотоядно» любившую жизнь и «необыкновенно» боявшуюся смерти, постоянно посещали мысли об уходе в мир иной, она даже любила бывать на кладбищах и рассказывала об этих визитах с особым воодушевлением.

Сосновская тонко намекает Елагину: «А вы решились бы отдать жизнь за одну ночь с любимой женщиной?» Слова актрисы вызваны прочтением ею «Египетских ночей» в период сближения с корнетом (в пушкинской повести царица Клеопатра спрашивает гостей на пиру: «<...> кто меж вами купит / Ценою жизни жизнь мою?» [9, с. 274]). «Загадочная» улыбка лишь утвердит Елагина в пророческом смысле её слов: он ясно видел и чувствовал, что эта любовь для него «роковая».

Высокое чувство оказывается фатальным для обеих пар: любовь становится мучительной, её продолжение невозможным, она неминуемо приведёт к катастрофе.

Одна из проблем, волнующих Бунина, – физическое и психическое здоровье совершающих убийство, и в этом усматривается его ориентация на образы Достоевского.

О поэте Эмиле сказано, что он красив, но бледен, у него есть «недостаток» (одна нога короче другой), ноги «тонки», руки «худы», глаза казались «лихорадочными»; его влюблённость из прекрасно-возвышенного чувства перешла «бог знает во что», и, как следствие, нервы его «совсем перестали служить ему», с ним случился припадок [2, с. 75]. Постепенно создаваемый повествователем эмоциональный фон должен подготовить читателя к трагическому, необъяснимому финалу.

Так и происходит, о чём узнаем со слов Эмиля по его ответам на допросах. Перестав в определённый момент контролировать себя, он подчиняется провидению («понял, что сами силы небесные не могут остановить» его и «без всякого предупреждения» явился в дом Маро). Близость «страшного и неотвратимого часа», его слова о револьвере, с которым он «никогда не расставался», не-

умолимо приближают поэта к убийству давно и горячо любимой им женщины. Трагизм положения усиливается ещё и тем, что двумя выстрелами Эмиль убивает не только возлюбленную, но и названую мать. Об этом сама жертва напомнит за мгновения до смерти и назовет своего убийцу «дитя моё» [2, с. 81]. Покончить с собой он не сумел: им «вдруг» овладело безумие.

Преступника в «Деле...» «вполне здоровым» признаёт медицинская экспертиза. Уже следующая реплика должна насторожить: «но совершенно не привыкший себя обездыхивать». Где же тогда находится «граница здоровья и нездоровья, нормальности или ненормальности» [2, с. 408-409], порой чрезвычайно тонкая и проницаемая? «Короткого безумия» в момент совершения убийства не было, утверждает повествователь. Отметим, что Елагина после убийства охватывает чувство, близкое безумию Эмиля, – он подчиняется «дикому бессознанию» [2, с. 433].

Если в «гусарском наряде» Елагин, по воспоминаниям артиста, служившего в одном театре с Сосновской, был «ошалелым человеком», то перед правосудием его ничто не скрашивает. Прокурор относит корнета к «уголовным волкам» – разряду преступников, которые совершают то, «что они совершают, по злему и преднамеренному умыслу» («он совершил преступление, потому что озверел от праздной и разнузданной жизни»). Кроме того, «низкорослый и сутулый», с «крайне неопределённым» выражением лица, подсудимый наделён «дегенеративными особенностями» [2, с. 408; 412], и в этом обнаруживается его сходство с «выродком» Соколовичем из самого «достоевского» рассказа Бунина.

«Чёрные краски», взятые прокурором, совсем не соотносятся с теми сведениями о Елагине, которые исходят от лиц, живших с ним в наибольшей близости: он «добрый и хороший товарищ», ему свойственны беспричинные перепады настроения, «впечатлительный» [2, с. 413]. Сигналом о том, что в Елагине всё-таки скрыта какая-то непонят-

ная и оттого пугающая сила, становятся слова одного из свидетелей: после вступления в связь с Сосновской он очень изменился и говорил, что «утверждается в намерении покончить с собой». Эту идею, как известно, он не осуществил.

Сравнивая характеристики бунинских преступников, обнаруживаем у них сходство с Раскольниковым: они молоды, образованы (Эмиль, как и убийца старухи процентщицы, изучает право), их жертвами становятся женщины. Отличия в том, что студент и корнет обеспечены и спонтанные убийства они совершают не ради денег, сразу чистосердечно признаются в страшном преступлении, а убитым ими матери почтенного семейства и артистке было ещё далеко до старости.

У Эмиля и Елагина находим склонности к совершению если не смертоубийства, то самоубийства, и в этом бунинские герои противоположны персонажу Достоевского. Если внешне обаятельный Раскольников способен заставить усомниться в его виновности, то облик студента и корнета не вызывают симпатии. Их непривлекательность, избыточная нервозность, склонность к рефлексии, мысли корнета о добровольном уходе из жизни почти не оставляют сомнений: рано или поздно они оба покончили бы с собой. Провидение распорядилось иначе. Будущий юрист и офицер неожиданно для себя оказались способны на убийство своих необыкновенных возлюбленных, при этом, невзирая на предварительную договоренность умереть вместе с ними, не нашли мужества исполнить её до конца.

В исповедальных признаниях Эмиля несколько раз прозвучит мысль о фатальности случившегося: восстанавливая в памяти день преступления по минутам, он назовёт свой приезд «роковым», а встречу с госпожой Маро в саду – «мистической» [2, с. 79]. Сила внезапно вспыхнувшей в немолодой женщине страсти к юноше оказалась губительной и для неё самой и, в конечном счёте, для него – правосудия он не избежит. Однако если в словах Эмиля, ищущего оправдания в

знаках судьбы, слышны, скорее, опустошённость и смятение, то Елагиным овладевает «полное безразличие». Удивительно, что он раскаивается не в убийстве, а в том, что не сдержал обещания, данного Сосновской, после неё «убить себя» [2, с. 433]. Эмиль и Елагин, рефлектируя над собой, скорее, пытаются понять первопричину своих поступков, но раскаяния в содеянном, как у Раскольникова, у них пока нет.

Новелла и рассказ заканчиваются откровениями (Эмиль: «Я бросился к окну, раскидал, распахнул ставни, стал кричать и стрелять в воздух... Остальное вы знаете» [2, с. 81]; Елагин: «Может быть, я виноват перед людским законом, виноват перед богом, но не перед ней!» [2, с. 433]). О будущем преступников Бунин умалчивает.

Таким образом, мысли о природе человеческого преступления Бунин соотносит с мировоззрением Достоевского. Сюжет «Преступления и наказания» трансформируется Буниным в произведениях малой жанровой формы. В бунинской рецепции Достоевского просматривается ориентация на классика, его героев и полемика с ними. В том, что в произведениях о любви-катастрофе Бунин оставляет финалы открытыми, а судьбы незавершёнными, наблюдается его связь с традицией романа Достоевского. У Эмиля и Елагина обнаружены точки притяжения и отталкивания с Раскольниковым. В эпилоге «Преступления и наказания» начинается его духовное выздоровление на каторге, Бунин оставляет читателя в полном неведении, какое за убийством последовало наказание. Несмотря на отсутствие прямых отсылок к Достоевскому в новелле «Сын» и рассказе «Дело корнета Елагина», восприятие романа в них представляется ценным для понимания литературных связей Бунина с классиком в целом. Тексты писателя XX века, восходящие к «Преступлению и наказанию», можно назвать своеобразными «вариантами» романа Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Бунин И.А.: pro et

- contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 700-713.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Худ. литература, 1988. – 703 с.
 3. Грачева А.М. Рецепция символизма в эмигрантском творчестве И.А. Бунина («Дело корнета Елагина») [Электронный ресурс]. – URL: http://www.postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=45 (дата обращения: 25.08.2013).
 4. Евстафьева Н.П. Повествовательная стратегия игры в повести И. Бунина «Дело корнета Елагина» // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2007. – № 787. Сер.: Філологія. – Вип. 52. – С. 329-331.
 5. Колобаева Л.А. В споре с Ф.М. Достоевским: категории зла, совести, «Преступления и наказания» в прозе И.А. Бунина // Русская литература конца XIX-начала XX века в зеркале современной науки. – М., 2008. – С. 29-36.
 6. Михайлов О. Проза Бунина // Вопросы литературы. – 1957. – № 5. – С. 128-155.
 7. Недодирова З.В. Роль детали в новелле И. Бунина «Сын» [Электронный ресурс]. – URL: <http://supporttalent.ru/articles/5148/> (дата обращения: 20.08.2013).
 8. Петриашвили О.М. «Преступление и наказание» и преступление без наказания (Ф.М. Достоевский – И.А. Бунин) [Электронный ресурс] // Развитие гуманитарных наук. Проблемы и перспективы: Сб. тр. международной научной конференции, 28-30.09.2012. – Катовице. – С. 13-18. – URL: http://конференция.com.ua/files/image/konf%209/konf%209_5_3.pdf (дата обращения: 27.08.2013).
 9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: в 16 т. – Т. 8. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 496 с.
 10. Риникер Д. Подражание - пародия - интертекст: Достоевский в творчестве Бунина // Достоевский и русское зарубежье XX века. – СПб: Дмитрий Буланин., 2008. – С. 170-211.
 11. Саакянц А. Комментарии // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Худ. литература, 1988. – С. 643-699.
 12. Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. – М.: РГГУ, 2004. – 270 с.
 13. Туниманов В.А. И.А. Бунин и Достоевский (По поводу рассказа Бунина «Петлистые уши») // Туниманов В.А. Достоевский и русские писатели. – СПб.: Наука, 2004. – С. 207-235.